

Ай во славном было городе во Киеви
Ай у ласкового князя у Владимира
Ишше были-жили тут бояры кособрюхие,
Насказали на Илью-ту всё на Муромця,
– Ай такима он словами похваляется:
«Я ведь князя-та Владимира повыживу,
Сам я сяду-ту во Киев на его место,
Сам я буду у его да всё князём княжить».
Ай об этом они с князем прироспорили.
Говорит-то князь Владимир таковы реци:
«Прогоню тебя, Илья да Илья Муромець,
Прогоню тебя из славного из города из Киёва,
Не ходи ты, Илья Муромець, да в красён Киев-град».
Говорил-то тут Илья всё таковы слова:
«А ведь придет под тебя кака сила неверная,
Хоть неверна-та сила бусурманьская,
– Я тебя тогды хошь из неволюшки не выруцю».
Ай поехал Илья Муромець в цисто полё,
Из циста поля отправился во город-от во Муром-то,
Ай во то ли во село, село Качарово
Как он жить-то ко своёму к отцю, матушки.
Он ведь у отца живет, у матушки,
Он немало и немного живет – три года.
Тут слышал ли Идолишко проклятоё,
Ище тот ли царишше всё неверноё:
Нету, нет Ильи-то Муромця жива три годицька.

Ай как тут стал-то Идолишшо подумывать,
Он подумывать стал да собираться тут.
Насбирал-то он силы всё тотарьскою,
Он тотарьскою силы, бусурманьскою,
Насбирал-то он ведь силу, сам отправился.
Подошла сила тотарьска-бусурманьская.
Подошла же эта силушка близехонько
Ко тому она ко городу ко Киеву.

Тут выходит тотарин-от Идолишшо всё из бела шатра,
Он писал-то ёрлычки всё скорописчаты,
Посылает он тотарина поганого.

Написал он в ёрлычках всё скорописчатых:

«Я зайду, зайду Идолишшо, во Киев-град,
Я ведь выжгу-то ведь Киев-град, Божьи церкви;
Выбирался-то штобы князь из палатушек, -
Я займу, займу палаты белокаменны.

Только я пушшу в палаты белокаменны,
Опраксеюшку возьму всё Королевисьню.

Я Владимира-та князя я поставлю-ту на кухню-ту,
Я на кухню-ту поставлю на меня варить».

Он тут скоро тотарин-от приходит к им,
Он приходит тут-то тотарин на широкий двор,
С широка двора – в палаты княженецькия,
Он ведь рубит, казнит у придверницьков всё буйны
головы;

Отдаваёт ёрлычки-то скорописчаты.

Прочитали ёрлыки скоро, заплакали,
Говорят-то – в ёрлычках да всё описано:
«Выбирайся, удаляйся, князь, ты из палатушек,
Наряжайся ты на кухню варить поваром».
Выбирался князь Владимир стольнекиевской
Из своих же из палатушек крутешенько;
Ай скорешенько Владимир выбирается,
Выбирается Владимир – сам слезами уливается.
Занимает Идолище княженевськи все палатушки,
Хочет взять он Опраксеюшку себе в палатушку.
Говорит-то Опраксеюшка таки речи:
«Уж ты гой еси, Идолищо, неверной царь!
Ты поспеешь ты меня взять да во свои руки».
Говорит-то ей ведь царь да таковы слова:
«Я уважу, Опраксеюшка, ещё два деницька,
Церез два-то церез дня как будёшь не княгиной ты,
Не княгиной будешь жить, да всё царицею».
Рознемогся-то во ту пору казак да Илья Муромець.
Он не мог-то за обедом пообедати,
Розболелось у его всё ретиво сердце,
Закипела у его всё кровь горячая.
Говорит-то всё Илья сам таковы слова:
«Я не знаю, отчего да незамог совсим,
Не могу терпеть жить-то у себя в доми.
Надо съездить попроведать во чисто полё,
Надоть съездить попроведать в красен Киёв-град».

Он седлал, сбирал своёго всё Белеюшка,
Нарядил скоро своёго коня доброго,
Сам садился-то он скоро на добра коня,
Он садился во седельшко чиркальскойё,
Он ведь резвы свои ноги в стремяна всё клал.
Тут поехал-то Илья наш, Илья Муромець,
Илья Муромець поехал, свет Иванович.
Он приехал тут да во чисто полё,
Из чиста поля поехал в красен Киёв-град.
Он оставил-то добра коня на широком двори,
Он пошел скоро по городу по Киеву.
Он нашел, нашел калику перехожую,
Перехожую калику переброжую,
Попросил-то у калики всё платья каличьёго.
Он ведь дал-то ему платье всё от радости,
От радости скинывал калика платьицё,
Он от радости платье от великоюю.
Ай пошел скоро Илья тут под окошецько,
Под окошецько пришел к палатам белокаменным.
Закричал же он, Илья-та, во всю голову,
Ишше тем ли он ведь криком богатырским тут.
Говорил-то Илья, да Илья Муромець,
Илья Муромець да сам Ивановичь:
«Ай подай-ко, князь Владимир, мне-ка милостинку,
Ай подай-ко, подай милостинку мне спасеную,
Ты подай, подай мне ради-то Христа, царя небесного.

Ради Матери Божьей, царици Богородици».

Говорит-то Илья, да Илья Муромець,
Говорит-то он, кричит всё во второй након:
«Ай подай ты, подай милостину спасеную,
Ай подай-ко-се ты, красно мое солнышко,
Уж ты ласковой подай, да мой Владимир-князь!
Ай не для-ради подай ты для кого-нибудь,
Ты подай-ка для Ильи, ты Ильи Муромця,
Ильи Муромця подай, сына Ивановичя».

Тут скорехонько к окошецьку подходит князь,

Отпират ему окошецько косисцято,

Говорит-то князь да таковы реци:

«Уж ты гой еси, калика перехожая,

Перехожа ты калика, переброжая!

Я живу-ту всё, калика, не по-прежнему,

Не по-прежнему живу, не по-досельнёму,

– Я не смею подать милостинки всё спасеною.

Не дават-то ведь царишшо всё Идолишшо

Поминать-то он Христа, царя небесного,

Во вторых-то поминать да Илью Муромця.

Я живу-ту, князь – лишился я палат все белокаменных,

Ай живет у мня поганое Идолишшо

Во моих-то во палатах белокаменных;

Я варю-то на его, всё живу поваром,

Подношу-то я тотарину всё кушанье».

Закричал-то тут Илья да во третьей након:

«Ты поди-ко, князь Владимир, ты ко мне выйди,
Не увидели штобы царишша повара, его.

Я скажу тебе два тайного словечушка».

Он скорехонько выходит, князь Владимир наш,

Он выходит на широку светлу улоцьку.

«Што ты, красно наше солнышко, похудело,

Што ты, ласков наш Владимир-князь ты
стольнёкиевской?

Я ведь чуть топерь тебя признать могу».

Говорит-то князь Владимир стольнёкиевской:

«Я варю-то, всё живу за повара;

Похудела-то княгина Опраксея Королевисьня,

Она день-от это дня да всё ише хуже».

– «Уж ты гой еси, мое ты красно солнышко,

Еще ласков князь Владимир стольнёкиевской!

Ты не мог узнать Ильи, да Ильи Муромця?»

Ведь тут падал Владимир во резвы ноги:

«Ты прости, прости, Илья, ты виноватого!»

Подымал скоро Илья всё князя из резвых он ног,

Обнимал-то он его своей-то ручкой правою,

Прижимал-то князя Владимира да к ретиву сердцу,

Целовал-то он его в уста сахарныя:

«Не тужи-то ты теперь, да красно солнышко!

Я тепере из неволюшки тебя повыручу.

Я пойду теперь к Идолишшу в палату белокаменну,

Я пойду-то к ёму на глаза-ти всё,

Я скажу, скажу Идолищу поганому.
«Я пришел-то, царь, к тебе всё посмотреть тебя».
Говорит-то тут ведь красно наше солнышко,
Што Владимир-от князь да стольнёкиевской:
«Ты поди, поди к царишшу во палатушки».
Ай заходит тут Илья да во палатушки,
Он заходит-то ведь, говорит да таковы слова:
«Ты поганое, сидишь, да всё Идолишшо,
Ишше тот ли сидишь, да царь неверной ты!
Я пришел, пришел тебя да посмотреть теперь».
Говорит-то всё погано-то Идолишшо,
Говорит-то тут царишшо-то неверное:
«Ты смотри меня – я не гоню тебя».
Говорит-то тут Илья, да Илья Муромець:
«Я пришел-то всё к тебе да скору весть принес,
Скору весточку принес, всё весть нерадостну:
Всё Илья-та ведь Муромець живёхонёк,
Ай живёхонёк всё здоровешенёк,
Я встретил всё его да во чистом поли.
Он остался во чистом поле поездить-то,
Што поездить-то ёму да пополяковать;
Заутра хочет приехать в красен Киёв-град».
Говорит ему Идолишшо, да всё неверной царь:
«Еще велик ли, – я спрошу у тя, калика, – Илья
Муромець?»
Говорит-то калика-та Илья Муромець:

«Илья Муромець-то будет он во мой же рост».

Говорит-то тут Идолишко, выспрашивают:

«Э, по многу ли ест хлеба Илья Муромець?»

Говорит-то калика перехожая:

«Он ведь кушат-то хлеба по единому,

По единому-едному он по ломтю к выти». -

«Он по многу ли ведь пьет да пива пьяного?» -

«Он ведь пьет пива пьяного всёго один пивной стакан».

Россмехнулся тут Идолишко поганое:

«Што же, почему вы этим Ильею на Руси-то хвастают?

На долонь его положу, я другой прижму, -

Остаётся меж руками што одно мокро».

Говорит-то тут калика перехожая:

«Еще ты ведь по многу ли, царь, пьёшь и ешь,

Ты ведь пьешь, ты и ешь, да всё кушаёшь?» -

«Я-то пью-ту, я всё чарочку пью пива полтора ведра,

Я всё кушаю хлеба по семи пудов;

Я ведь мяса-то ем – к выти всё быка я съем».

Говорит-то на те речи Илья Муромець,

Илья Муромець да сын Ивановиць:

«У моёго всё у батюшки родимого

Там была-то всё корова-то обжорчива,

Она много пила да много ела тут -

У ей скоро ведь брюшина-та тут треснула».

Показалось-то царицу всё не в удовольствии, -

Он хватал-то из ногалища булатен нож,

Он кинал-то ведь в калику перехожую.
Ай миловал калику Спас Пречистой наш:
Отвернулся-то калика в другу сторону.
Скинывал-то Илья шляпу с головушки,
Он ведь ту-ту скинывал всё шляпу сорочиньскую,
Он кинал, кинал в Идолища всё шляпою.
Он ведь кинул – угодил в тотарьску самую голову.
Улетел же тут тотарин из простенка вон,
Да ведь вылетел тотарин всё на улицу.
Побежал-то Илья Муромець скорешенько
Он на ту ли на широку светлу улицу,
Он рубил-то всё он тут силу тотарьскую,
Он тотарьску-ту силу, бусурманьскую,
– Он избил-то, изрубил силу великую.
Приказал-то князь Владимир-от звонить всё в большой
колокол,
За Илью-ту петь обедни-ти с молебнами:
«Не за меня-то молите, за Илью за Муромця».
Собирал-то он почестен пир,
Ай почестен собирал для Ильи да все для Муромця.